



Сказка Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был Иван-царевич. И было у него три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них умерли. Умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго.

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами в зеленый сад гулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит Иван-царевич.



олько пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол.

Ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.



— Коли люб ты сестрице, я ее не держу — пусть идет.

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало. Пошел Иван-царевич с двумя сестрами в зеленый сад гулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел.

Ударился орел об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем приходил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

— Если люб ты Ольге-царевне, то пусть за тебя идет, я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил ее и унес в свое царство.



Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем, в зеленом саду погуляем.

Погуляли немножко. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю. Коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя. Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.



— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел, шел и видит: лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек, отзовись: кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое разбила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева.



— Здравствуй, царевич. Куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад: две ночи в шатрах ночевал. Полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство. Пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:
— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.
Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.



Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, потряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кощей Бессмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих. И страшным вихрем вылетел в окно, догнал Марию Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что бы ни было, а разыщу Марию Моревну».



Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого. Возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит.

Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала, стала его целовать, обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух. Возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте. Пойду жену искать, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу. День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна, не поминай старого. Лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного. Авось не догонит!



Собрались и уехали. А Кощей на охоте был. К вечеру он домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить,

в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать — и то поспеет.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил, и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною. Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, он нас догонит!

— Пускай догонит. Мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгону?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяну напиться, до отвала наестся, выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеет.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и унес к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною. На ту пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

— Пускай изрубит, я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгону?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и положил в смоляную бочку, взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег. Сокол полетел за живую воду, а ворон — за мертвую.

Слетелись все трое в одно место, разрубили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склади, как надобно. Ворон брызнул мертвую воду — тело срослось, соединилось. Сокол брызнул живую воду — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если бы не мы, — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.



Вот Марья Моревна улучила добрую минуточку и стала Кощею выспрашивать.

Кощей сказал:

— За тридцать земель, в тридцатом царстве, за огненной рекою живет баба-яга.

У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает.

Много у нее и других славных кобылиц. Я у нее три дня пастухом был, ни одной

кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, делается

высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу. И платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыши детками.

Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка!

— Не ешь, Иван-царевич, — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше.

Видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка, — говорит, — сколько-нибудь медку.

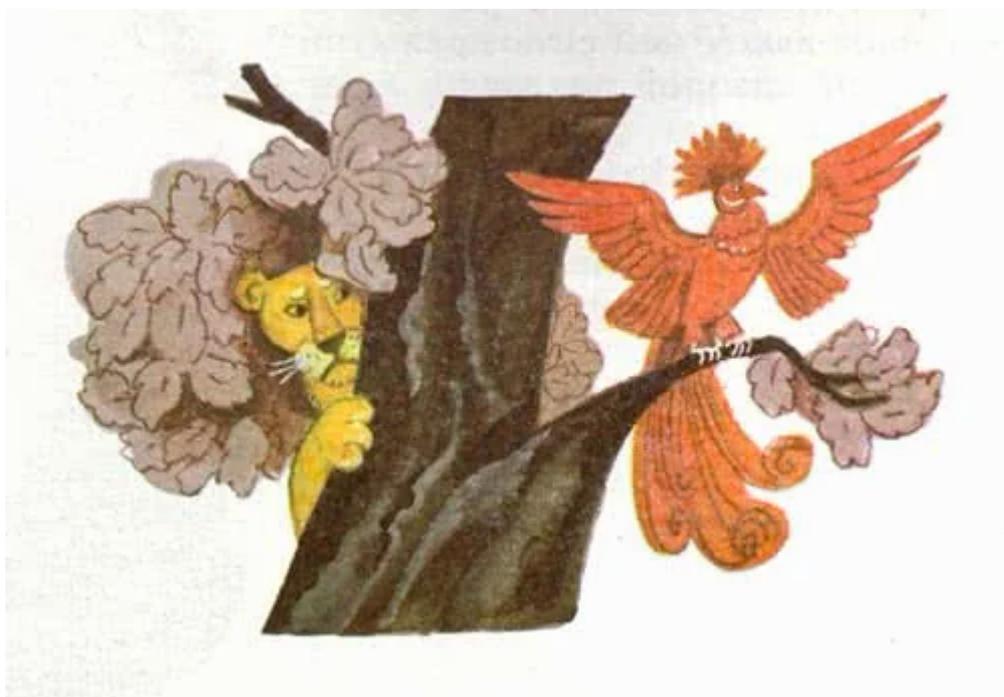
Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич. В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше.

Попадается ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка. Есть так хочется, ажно тошно стало.



— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрел голодный. Шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич. Зачем пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а нет — то не гневайся: торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались. Не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел. А баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же было нам не воротиться! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич. Наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам.

Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес.

Прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться! Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич. Наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

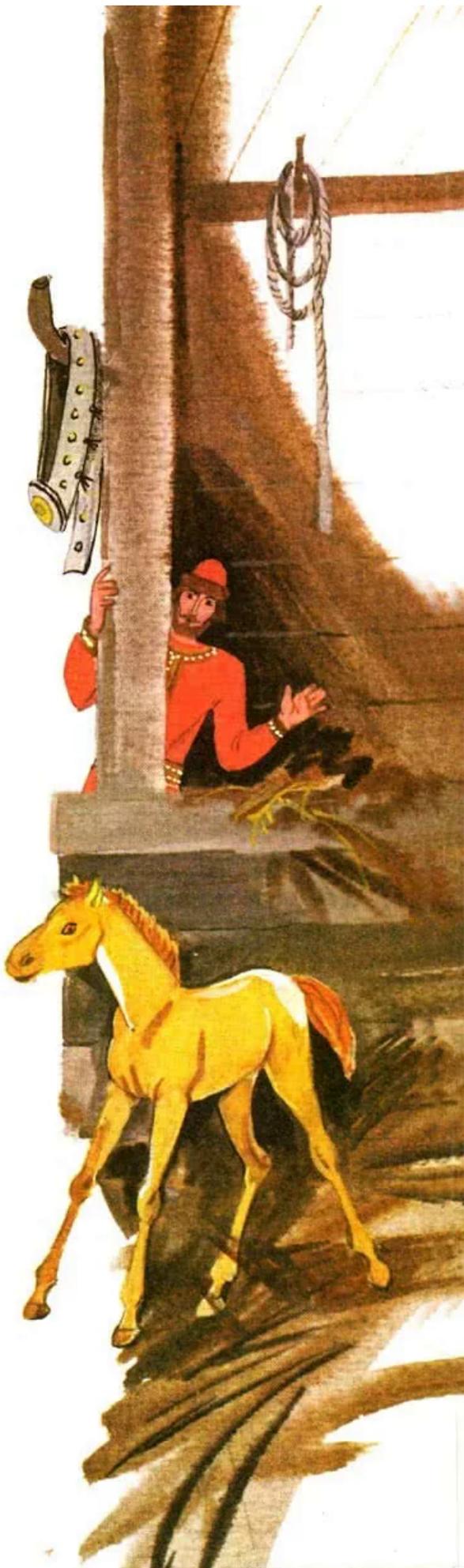
— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.



Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море, стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны. Да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется. Ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.



Иван-царевич пробрался в конюшню, улегся за яслями. Баба-яга шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться! Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький.

Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать. Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост». Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга в реку свалилась. Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах, стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебе удалось от смерти избавиться?

— Так и так, — говорит, — поедem со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрубленным.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.



Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгону?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей. В те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и разmozжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того накидал царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу.



Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть! Ну, недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти.

Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

Сказки на <https://fairytales.site/>